

Не понимаю, что была
 У васъ за мысль?—Мои дѣла
 И безъ меня ты долженъ знать,
 А душу можно ль рассказать?
 И если бѣ могъ я эту грудь
 Передъ тобою развернуть,
 Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней,
 Что я безсовѣстный злодѣй!
 Пусть монастырскій вашъ законъ
 Рукою Бога утвержденъ,
 Но въ этомъ сердцѣ есть другой
 Ему не менѣ святой:
 Онъ оправдалъ меня—одинъ
 Онъ сердца полный властелинъ!
 Когда бѣ сквозь бѣдный мой нарядъ
 Не проникать до сердца ядъ,
 Тогда я былъ бы виноватъ.
 Но всѣхъ равно влечетъ судьба:
 И подъ одеждою раба,
 Но полный жизнью молодой,
 Я человѣкъ, какъ и другой.
 И ты, и ты, слѣпой старикъ,
 Когда бѣ ея небесный ликъ
 Тебѣ явился хоть во снѣ,
 Ты позавидовалъ бы мнѣ
 И, въ изступленіи, можетъ быть,
 Рѣшился бѣ также согрѣшить,
 И клятвы бѣ грозныя забыть,
 И перенести бы счастливѣе былъ
 За слово, ласку или взоръ!
 Мое страданье, мой позоръ!..

ОРША.

Не поминай теперѣ о ней!
 Напрасно!—На груди моей,
 Хоть нынѣ поздно вижу я,
 Согрѣлась, выросла змѣя!..
 Но ты заплатишь мнѣ теперѣ
 За хлѣбъ и соль мою, повѣрь.
 За сердце жѣ дочери моей
 Я заплачу тебѣ, злодѣй—
 Тебѣ, найденныиъ безъ креста,
 Презрѣнный рабъ и сирота!..

АРСЕНІЙ

Ты правъ: не знаю, гдѣ рожденъ,
 Кто мой отецъ и живъ ли онъ?
 Не знаю... Люди говорятъ,
 Что я тобою ребенкомъ взятъ,
 И былъ я отданъ съ раннихъ поръ
 Подъ строгій иноковъ надзоръ,
 И выросъ въ тѣсныхъ я стѣнахъ,
 Душой дитя—судьбой монахъ!
 Никто не смѣлъ мнѣ здѣсь сказать
 Священныхъ словъ „отецъ“ и „мать“
 Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
 Чтوبъ я въ обители отвыкъ
 Отъ этихъ сладостныхъ именъ?
 Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
 Со мной. Я видѣлъ у другихъ
 Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
 А у себя не находилъ

Не только милыхъ душъ—могилъ!
 Но нынче самъ я не хочу
 Предать ихъ имя палачу,
 И все, что славно было бѣ въ немъ,
 Облить и кровью, и стыдомъ.
 Умру, какъ жилъ, твоимъ рабомъ!
 —Нѣтъ, не грози, отецъ святой:
 Чего бояться намъ съ тобою?
 Обоихъ насъ могила ждетъ...
 Не все ль равно, что день, что годъ?
 Никто ужъ намъ не господинъ;
 Ты въ рай, я въ адъ—но путь одинъ!
 Съ тѣхъ поръ, какъ длится жизнь моя,
 Два раза былъ свободенъ я:
 Последній—нынѣ... Въ первый разъ,
 Когда я жилъ еще у васъ,
 Среди молитвъ и пыльныхъ книгъ,
 Пришло мнѣ въ мысли хотѣ на мигъ
 Взглянуть на синія поля,
 Узнать, прекрасна ли земля,
 Узнать, для воли или тюрьмы
 На этотъ свѣтъ родился мы...
 И въ часъ ночной, въ ужасный часъ,
 Когда гроза пугала васъ,
 Когда, столпясь при алтарѣ,
 Вы ницъ лежали на землѣ,
 При блѣскѣ молній роковыхъ
 Я убѣжалъ изъ стѣнъ святыхъ,
 Боязнь съ одеждой кинулъ прочь,
 Благословилъ и хладъ, и ночь,
 Забылъ печали бытія
 И бурю братомъ назвалъ я.
 Восторгомъ бѣшеннымъ объять,
 Съ ней унестиcя я былъ бы радъ;
 Глазами тучи я слѣдилъ,
 Рукою молнію ловилъ!
 О, старецъ! что средѣ этихъ стѣнъ
 Могли бы дать вы мнѣ взаимъ
 Той дружбы краткой и живой
 Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?

ПУГМЕНЪ.

На что намъ знать твои мечты?

Не для того предъ нами ты!
 Въ другомъ ты нынѣ обвиняешь,
 И хочешь истины законъ.
 Открой же намъ друзей своихъ,—
 Убийцъ, разбойниковъ ночныхъ,
 Которыхъ страшныя дѣла
 Смыкаетъ кровь и кроетъ мгла,
 Съ которыми, забывши честь,
 Ты мнилъ несчастною увѣсть.

АРСЕНІЙ

Мнѣ ихъ называть?—Отецъ святой.
 Вотъ что умереть во мнѣ, со мной
 О, нѣтъ, ихъ тайну—не мою,
 Я неизмѣнно сохранию,
 Пока земля въ урочный часъ,
 Какъ двухъ друзей не приметъ насъ.
 Пытай желтзомъ и огнемъ—
 Я не признаюсь ни въ чемъ;